

К вопросу о прямой речи в Киевском летописном своде конца XII в.

В Ипатьевской летописи за 1116—1199 гг. (традиционно именуемой в науке Киевским сводом конца XII в.) приводится большое количество развернутых и информативных текстов, которые князья и иностранные правители произносят, обращаясь к другим князьям или дружине. Эти тексты имеют характерные черты древнерусской устной речи и существенно отличаются по стилю от окружающего их повествования.

Относительно их происхождения в науке выдвинуто три основных гипотезы. Д. С. Лихачев, опираясь на описание сцен дипломатических переговоров в русских летописях, обосновал гипотезу о посольском обычае, когда посол, прибыв к месту назначения, в точности устно воспроизводил надиктованное ему своим князем [см.: Лихачев 1945: 47]. Затем эти речи как можно более достоверно записывал летописец, сохраняя форму устного обращения [см.: Лихачев 1985: 184—189]. Впоследствии позиция Лихачева нашла косвенное подтверждение в исследовании А. А. Зализняка, показавшего, что прямая речь в Киевском своде по своим лингвистическим признакам близка языку берестяных грамот и разительно отличается от языка остальной части летописи [см.: Зализняк 2008: 54—55, 67]. Иное объяснение предложил Б. А. Рыбаков: он видел в княжеских речах письменные грамоты, хранившиеся в княжеских архивах, откуда их и брали летописцы [см.: Рыбаков 1963: 317—334]. Из концепции Рыбакова исходили В. Ю. Франчук, попытавшаяся вычлени формуляр этих грамот [см.: Франчук 1988: 109—154], и А. В. Юрасовский, посвятивший специальное исследование выделению всех подобных документов из древнерусских летописей [см.: Юрасовский 1981: 141—150]. Юрасовский в другой своей работе, сравнивая летописные речи венгерских правителей с их же латиноязычными актами, пришел к выводу, что при переводе формуляр латинских оригиналов до неузнаваемости редактировался под древнерусские образцы княжеских речей

[см.: Юрасовский 1983: 180—183]. Недавно новосибирская исследовательница В. А. Мельничук [см.: Мельничук 2013: 16—18] выдвинула версию, что прямая речь персонажей в Киевском своде представляет плод литературной работы его составителя — выдубицкого игумена Моисея, конструирувавшего таким способом образы персонажей в соответствии со своими политическими симпатиями.

При изучении политической терминологии Киевского свода обнаружилось, что некоторые слова, употребляясь в летописном тексте в форме прямой речи, приобретают смысл, характерный для них только при использовании в рамках политического процесса и никак не связанный с общеупотребительным в древнерусском языке значением. Это позволяет сделать некоторые предположения и о происхождении прямой речи. Временными рамками исследования является период с 1146 по 1154 г., поскольку здесь прямая речь использована чаще, чем в других частях свода. Высказывания принадлежат главным образом трем основным участникам событий: киевскому князю Изяславу Мстиславичу и его дядьям Вячеславу Владимировичу и Юрию Долгорукому, а также венгерскому королю Гезе и черниговским князьям. В качестве уточняющих параллелей привлекаются и некоторые более ранние и поздние известия Киевского свода, содержащие прямую речь.

В риторике всех трех упомянутых князей присутствуют характерные индивидуальные различия. Так, для Вячеслава Владимировича, который старше других Мономаховичей и по возрасту, и по месту в родовой иерархии (он старший из живых сыновей Мономаха), наибольшее значение представляет идея «старейшинства»: он, неизменно «надеяся на старшинство» [ПСРЛ. Т. 2: 330], пытается «оправить» его [ПСРЛ. Т. 2: 430], стремясь занять киевский стол. У Юрия Долгорукого, младшего брата Вячеслава, это понятие куда прагматичнее: Вячеслав для него «старей» и даже «яко отец» [ПСРЛ. Т. 2: 439], но племянник Изяслав, выгнав Ростислава Юрьевича из киевской волости, «снялъ» с дяди «старейшинство» [ПСРЛ. Т. 2: 380],

поэтому Юрий не может подчиниться «моложьшему» [ПСРЛ. Т. 2: 430]. Наконец, Изяслав, многократно признавая дядю Вячеслава, пока тот ему союзен, «отцом» [ПСРЛ. Т. 2: 386, 397—399, 429] и даже отдавая ему формальное первенство, в серьезных переговорах объявляет «всех нас старее» куда более влиятельного Юрия [ПСРЛ. Т. 2: 367]. При этом не имеющий шансов опираться на «старейшинство» Изяслав активнее остальных обращается к другим князьям как к «братьям» (хотя подобное обращение вообще было частью политической культуры эпохи [см.: Лавренченко 2014: 43—57]), особо напирая на понятие «своей братьи» [ПСРЛ. Т. 2: 367, 395, 420], куда он включает даже дядю Вячеслава. Тем самым Изяслав оказывается как бы лидером *своей* «братьи»: выступает от ее лица и возглавляет ее «путь велик» [ПСРЛ. Т. 2: 345] против врагов.

Понимание некоторых идеологем у разных князей существенно отличается. Так, честь для Вячеслава неразрывно связана с признанием его «старейшинства» [ПСРЛ. Т. 2: 418], а отказ от этого признания навлекает на него «великий сором» [ПСРЛ. Т. 2: 399] и «бещестье» [ПСРЛ. Т. 2: 429]. Юрий также связывает «сором» [ПСРЛ. Т. 2: 373—374] и потерю «старейшинства» в сюжете об изгнании Изяславом его сына Ростислава, но это лишь предлог к началу боевых действий, хотя их реальная причина — потеря владений в Киевской земле. Наконец, для Изяслава честь выступает в первую очередь в контексте военной победы [см.: ПСРЛ. Т. 2: 448—449], а также братской взаимопомощи [см.: ПСРЛ. Т. 2: 365, 407—408]. Таким образом, хотя в общем честь связана с уважением к княжескому сану [см.: Стефанович 2004: 66—87], есть нюансы в понимании достоинства разными князьями.

«Обида» для Вячеслава, как и для Юрия, связана только с имущественными потерями [см.: ПСРЛ. Т. 2: 367, 372, 429—430], в то время как в речах Изяслава при общении с союзным венгерским королем Гезой присутствует и еще одно значение. «Обидой» при составлении союзного договора именовалось оскорбление третьим лицом одного из союзников, требовавшее от другого союзника предоставить военную помощь против оскорбившего

[см.: ПСРЛ. Т. 2: 407—409, 420, 446]. Здесь, возможно, речь идет не столько об особенностях индивидуальной риторики, сколько о двух реально существовавших значениях слова.

С идеей «братьи» тесно связана у Изяслава идея «правды». «Братью» он, как киевский князь, должен «имети в правду» [ПСРЛ. Т. 2: 367], т. е. выполнять по отношению к ней свои обязанности суверена и судьбы и именно «во правду» возглавлять вышеупомянутый княжеский «путь» [ПСРЛ. Т. 2: 345]. В свою очередь, пока в Киеве княжил его дальний родственник Всеволод Ольгович, Изяслав «имель в правду» его как «старейшего брата» [ПСРЛ. Т. 2: 323]. Отметим, однако, что если Вячеслава, конкретного князя, от которого требуется поддержка, Изяслав готов признать «отцом», то киевский князь вообще, например враждебный Всеволод, для него всего лишь старший в «братьи», поскольку занимает старший стол независимо от возраста и места в роду, как в свое время киевский стол занимал Изяслав, с тех пор претендующий на место старшего. Вячеслав переносит акцент со своих обязанностей по отношению к младшим князьям на их обязанности, намекая на сакральный характер своего старшинства: почтив дядю, Изяслав «еста... управила... Богови» [ПСРЛ. Т. 2: 430]. Производное понятие «управити», обозначающее здесь установление «правды», т. е. должного порядка отношений между князьями, часто встречается и в прямой речи Изяслава. Он подразумевает под этим словом зачастую и силовое восстановление справедливости [см.: ПСРЛ. Т. 2: 367, 394, 399, 451, 461]. Наконец, у Юрия идея «правды» возникает лишь в том же пламенном протесте против лишения киевских владений: в поход на Изяслава он идет в «правду» [ПСРЛ. Т. 2: 375], которую Изяслав нарушил, лишив Ростислава Юрьевича, члена своей «братьи», волости, за что Юрий, как отец обиженного и как старший по отношению к Изяславу князь, имеет право племянника покарать и восстановить справедливость. Впрочем, все это выступает, конечно, только как предлог для начала боевых действий за овладение Киевом.

Наконец, идея «места», объяснение которой дал еще В. Т. Пашуто, видевший в ней аналог позднейшего «местничества»,

т. е. положение в родовой иерархии [см.: Пашуто 1965: 53—55], присутствует только у Вячеслава, признанного племянником «в отца место», и Изяслава. По мнению Вячеслава, «Бог скупил на по месту» [ПСРЛ. Т. 2: 421], а перед боем Вячеслав (и только в его отсутствие Изяслав, становящийся старшим князем) призывает других князей «видиве по месту, что ны Богъ дасть» [ПСРЛ. Т. 2: 357, 378, 386, 427]. Однако, соблюдая идею «места» в союзе с дядей и братом Ростиславом, Изяслав в ней сомневается, заявляя: «не идеть место къ голове, но голова къ месту» [ПСРЛ. Т. 2: 442]. Это гармонирует с его политикой оделения волостями и использования всех князей, готовых вступить в его «братью», независимо от старшинства и степени родства. Интересно, что в 1142 г. противоположную мысль высказывают черниговские князья, осуждая своего брата Всеволода Ольговича за аналогичную политику: «намъ на безголове и безместье, и со» [ПСРЛ. Т. 2: 313]. Действия Всеволода, не соблюдающего «места» князей в своей черниговской «братьи» при оделении, приравниваются ими к «безголовию», т. е., по-видимому, разрушению этой «братьи». Это подтверждает, что идея «места» не придумана Изяславом и Вячеславом, она существовала в политической культуре эпохи, по крайней мере среди черниговской ветви Рюриковичей. Следует отметить, что и Изяслав, и Вячеслав используют слово «место», в отличие от всех остальных терминов, и в общеупотребительном в древнерусском языке значении конкретной точки пространства [см.: ПСРЛ. Т. 2: 397, 449].

В то же время «место» появляется в его традиционном для княжеской риторики значении и в летописном повествовании. «По месту» при встречах садятся Изяслав, Вячеслав и венгерский король Геза [см.: ПСРЛ. Т. 2: 397, 420, 454], что, по-видимому, отражает положение князей на церемонии, соответствовавшее их «месту» в иерархии. Однако подобное значение встречается только в известиях, относящихся к личному летописанию Изяслава [см.: Рыбаков 1959: 61—65] и повествующих о нем самом, но не при описаниях схожих по церемониалу встреч князей без участия Изяслава (в том числе Юрия Долгорукого, Святослава

Ольговича и даже брата Изяслава Ростислава Мстиславича). В остальных частях летописного текста слово «место» выступает только в бытовом значении. Аналогично идея «управити» между княжеские отношения, т. е. соблюсти или восстановить в них «правду», тоже присутствует только в известиях из летописания Изяслава [см.: ПСРЛ. Т. 2: 343, 395, 421].

Остальные рассмотренные нами понятия в изложении самого летописца выступают только в бытовом значении, но ни разу в значении, принятом в княжеской прямой речи. Так, «честь», как показал П. С. Стефанович [см.: Стефанович 2004: 66—87], появляется только в контексте описания церемоний, сопровождавших встречу князей, княжеских послов и духовных лиц горожанами или другими князьями и подразумевавших оказание почестей и одаривание (подобное описание представлено в знаменитом известии за 1147 г., содержащем первое упоминание о Москве [см.: ПСРЛ. Т. 2: 340]). «Путь» также оказывается лишь маршрутом похода [см.: ПСРЛ. Т. 2: 368—369] (а в чуть более позднем известии за 1157 г., где несколько князей «сложи... путь... на Гюргя», подразумевает совместные действия, но без идеологической нагрузки, приданной этому понятию Изяславом [см.: ПСРЛ. Т. 2: 469]). «Обида» и «правда» вовсе отсутствуют в летописном тексте (за исключением одного известия, где «правда» подразумевает отношения между князем и горожанами и справедливый суд [см.: ПСРЛ. Т. 2: 322], вызывая в памяти у нас заголовок «Русской правды»).

В то же время юридические понятия «мира» (как и в современном русском языке, означавшего прекращение боевых действий) и «любви» (долговременного княжеского союза) [см.: Сергеев 1972: 5, 66], часто используемые в летописном тексте, практически отсутствуют в прямой речи князей, а если и появляются, то в общепринятом значении, и не несут дополнительной идеологической нагрузки, в отличие от рассмотренных выше понятий.

Итак, в политической культуре XII в. существовал ряд терминов, значение которых отличалось от общепринятых бытовых значений того же слова и которые сохранились в летописи

только в прямой речи князей (за исключением отдельных случаев использования любимых терминов Изяслава Мстиславича его личным летописцем). При этом у князей, чья прямая речь часто встречается в летописи, значения этих терминов имеют оттенки, отражающие политическую концепцию и манеру выстраивать отношения с другими князьями. Так, Вячеслав Владимирович связывает все эти перечисленные понятия с идеей своего старшинства и необходимости в связи с этим оказать ему почет и отдать киевский стол; Изяслав Мстиславич в своей трактовке исходит из того, что возглавляет княжескую «братью», в которой готов отдать Вячеславу формальное первенство, но не реальное лидерство; а Юрий Долгорукий использует термины произвольно в каждой конкретной ситуации, чтобы обосновать действия благовидным предлогом и добиться своих целей.

Рассмотренная система слишком сложна для того, чтобы быть придуманной и вмонтированной в текст сводчиком, жившим через столетия. Также в концепции Мельничук заставляет усомниться и ярко выраженный устный характер прямой речи, не свойственный, как показал Зализняк, древнерусской книжности¹.

В то же время и позиция Лихачева, и позиция Рыбакова представляются верными лишь отчасти. Для весьма распространенных в Киевском своде ситуаций, когда князь обращается с устной речью к находящемуся в другом городе князю, предположение Лихачева справедливо и в ряде случаев напрямую подтверждается данными летописи. Например, отправка Изяславом и Гезой послов к галицкому князю Володимерку описана так: «то рекше, послаша мужи своя к Володимеру, и рекоша мужи Изяслави и королеви Володимеру: тако ти молвит брат Изяслав и король» [ПСРЛ. Т. 2: 453]. После чего следует собственно прямая речь Изяслава. Несколько позднее Володимерку, в свою очередь, говорит послу Петру Бориславичу в ответ на переданную последним речь Изяслава: «рци: брате, изверемениль еси на мя»

¹ Подобное встречается в берестяных грамотах, однако они стоят особняком и не относятся к древнерусской книжности.

[ПСРЛ. Т. 2: 462], т. е. просит того же посла передать по возвращении ответную речь, а не посылает своего. Однако, если речь идет о личной встрече князей, резоннее предположить, что все произносили сами князья. Это, в частности, касается встречи Изяслава и Вячеслава в 1149 г.: она описана весьма подробно, но не содержит упоминаний о послах, через которых князья (очевидно, рассказывавшиеся «по месту» в одной комнате) вели переговоры [см.: ПСРЛ. Т. 2: 398—399]. То же относится к речам князей перед сражением [см.: ПСРЛ. Т. 2: 448—449] и тем более к афоризму Изяслава о голове и месте, о котором сам летописец сообщает, что «ако же и пережь слышахомъ» его от князя [ПСРЛ. Т. 2: 442]. По крайней мере, этот тип речей никак не мог быть письменными грамотами, к которым относил все подобные тексты Рыбаков. Однако, очевидно, даже если речи заучивались послами наизусть, то хотя бы после произнесения эти речи должны были записываться, чтобы впоследствии быть включенными в летопись. По мнению Рыбакова, цитируемые в летописи грамоты входили в состав княжеского архива Изяслава либо захваченного Изяславом архива Юрия Долгорукого [см.: Рыбаков 1963: 335—336]. Но это не объясняет более позднего цитирования речей союзника Юрия Святослава Ольговича, которые уже не могли попасть в архив Изяслава и сохранились в составе безусловно черниговских известий², не говоря о значительном количестве прямой княжеской речи, встречающейся в более поздний период до самого конца свода.

В то же время Рыбаков справедливо обратил внимание, что грамоту с призывом помириться с племянником, совместно присланную венгерским королем и польскими князьями Юрию, где утверждается, что отправителям последний «во отца место» [ПСРЛ. Т. 2: 387], должен был отредактировать именно Юрий, поскольку иностранные государи вряд ли признали бы себя, используя такую форму, вассалами Юрия, а Изяславу не было смысла редактировать текст в пользу Юрия. Возможны, но более спорны построения

² И. К. Чугаева относит к черниговским и все известия, содержащие обращения друг к другу речи Юрия и Святослава [см.: Чугаева 2012: 64—92].

Юрасовского о редакции грамот Гезы. Будучи зятем Изяслава и стремясь играть видную роль в древнерусской политике, Геза вполне мог ориентировать свою дипломатическую переписку и тем более личные переговоры с Изяславом на древнерусские образцы, обращаясь к Изяславу, который был старше на 35 лет, как к «брату» и даже «отцу»³. Также возможно, что именно отредактированная Юрием грамота навела Изяслава на мысль добавить в грамотах Гезы к взаимному обращению «брат» обращение к Изяславу как к «отцу», будто бы включающее венгерского короля в состав «братии».

Можно сделать вывод, что в XII в. существовала традиция официальных устных княжеских обращений друг к другу, в которых князья, используя специфические термины политической риторики, объясняли свои поступки, высказывали свое отношение к решениям адресата и предлагали ему совместные действия. Эта традиция оказывала влияние на дипломатический этикет, согласно которому посол воспроизводил дословно подобное обращение и мог передать в той же форме ответ, а также, возможно, на редактуру иностранных дипломатических документов, приводившихся в соответствие с той традицией. В дальнейшем подобные обращения, причем как сделанные князем, в чьем городе работал летописец, так и адресованные этому князю, записывались для последующего включения в летопись. Однако, по всей видимости, эти записи следует считать черновыми и не составлявшими самостоятельного архива документов.

СОКРАЩЕНИЯ

Зализняк 2008 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

Лавренченко 2014 — Лавренченко М. Л. «Быти всем за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской

³ Благодарю за указание А. А. Горского.

летописи (1146—1154) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 1. С. 43—57.

Лихачев 1945 — *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI—XIII столетий // Исторические записки. М.; Л., 1945. Т. 18. С. 42—55.

Лихачев 1985 — *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.

Мельничук 2013 — *Мельничук В. А.* Киевская великокняжеская летопись XII века: образно-повествовательная структура свода игумена Моисея. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

Пашуто 1965 — *Пашуто В. П.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11—76.

ПСРЛ. Т. 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Рыбаков 1959 — *Рыбаков Б. А.* Боярин-летописец XII века // История СССР. 1959. № 5. С. 56—79.

Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Сергеев 1972 — *Сергеев Ф. П.* Русская терминология международного права XI—XVII вв. Кишинев, 1972.

Стефанович 2004 — *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2. С. 66—87.

Франчук 1988 — *Франчук В. Ю.* Киевская летопись: состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1988.

Чугаева 2012 — *Чугаева И. К.* Чернігівське літописання XI—XIII ст. Дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2012.

Юрасовский 1981 — *Юрасовский А. В.* Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1981. № 4. С. 141—150.

Юрасовский 1983 — *Юрасовский А. В.* К вопросу об аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 1981. М., 1983. С. 189—194.